

Цин Янь сначала колебался, но когда почувствовал тепло прикосновения, сердце забило гулко, словно в радостном танце. Тело, жаждущее продолжения, словно расплавилось и стало мягким, как вода.

Во время близости он и сам не заметил, сколько раз сжал этот «браслет». Сладостное наслаждение, сменяющееся болью, отрывало его от реальности, заставляя метаться между небесами и землей.

Когда все утихло, Цин Янь осмотрел запястье Цю Хэняня и обнаружил несколько красноватых следов от игольчатых уколов, но это было куда лучше, чем шрамы от веревки.

Цю Хэнянь помог ему прибраться, и они вдвоем снова легли в постель. Однако сон не приходил.

Цин Янь осторожно заговорил:

— Сегодня на дороге я встретил старшую жену из семьи Лю. Она сказала, что у супруга Лю Цая будет ребенок.

Услышав это, Цю Хэнянь лишь кратко кивнул:

— На днях, когда появится время, съездим в город и купим для них что-нибудь полезное.

Цин Янь кивнул, потом замолчал на некоторое время, прежде чем спросить:

— А ты хотел бы иметь детей?

Цю Хэнянь мягко провел рукой по его голове:

— Хотел бы. Но ты еще молод, не стоит торопиться.

Цин Янь почувствовал, как его сердце сжалось. Он перевернулся спиной к Цю Хэняню, и его гладкая белая спина напряглась.

— Что случилось? — Цю Хэнянь заметил перемену в настроении и задал вопрос.

Голос Цин Яня был тихим, но твердым. Он собрался с духом, чтобы не оставлять Цю Хэняню ложных надежд:

— Я не могу иметь детей.

Брови Цю Хэняня слегка сошлись, и он приподнялся, чтобы взять Цин Яня за узкие плечи и повернуть к себе лицом. Его пристальный взгляд был серьезным:

— Почему?

Цин Янь решил больше не скрывать правду. Его глаза покраснели от сдерживаемых слез.

— Потому что я мужчина, а не гер, — тихо сказал он. — Мужчина не может забеременеть.

На лице Цю Хэняня на мгновение отразилось удивление, но вскоре оно сменилось сложным, трудноописуемым выражением.

Цин Янь с раннего детства лишился родной матери, отец был к нему равнодушен, а мачеха не только не заботилась о нем, но и была чрезвычайно сурова. То, что гер в его возрасте уже должен был знать, для него оставалось туманным и непонятным.

Цю Хэнянь наклонился и поцеловал его в лоб, в этом жесте чувствовалась нежная забота мужа, немного старше своего юного супруга. Он мягко сказал:

— Я хочу детей, потому что у нас с тобой мало близких. С ребенком мы оба обрели бы настоящую кровную связь в этом мире. Но если детей не будет, это воля неба, с этим нельзя спорить. С тобой рядом я не чувствую себя обделенным.

Цин Янь обнял его крепкую шею, нежно прижавшись щекой к его лицу. В ответ он услышал, как Цю Хэнянь прошептал у самого его уха:

— Когда ребенок только рождается, можно сразу определить, это мальчик или гер. Ошибки быть не может.

Цин Янь поднял лицо, недоумевая:

— Но ведь они выглядят одинаково? Как это возможно?

Цю Хэнянь с легкой усмешкой вздохнул и положил ладонь на его нижнюю часть живота, понизив голос:

— У геров есть одна особенность. На три пальца ниже пупка у них есть так называемое «красное пятно зародыша». В обычное время его не видно, но когда ребенок плачет и его температура повышается, эта отметина проявляется. Она размером с глаз и имеет форму красного родимого пятна. У мальчиков этого нет.

Его взгляд опустился туда, где покоилась его ладонь, и стал мягким, почти нежным.

— Когда гер достигает зрелости, эта отметина перестает появляться при повышении температуры. Она видна только в моменты сильных чувств.

Сказав это, он большим, немного грубым, но теплым пальцем начал медленно проводить по мягкой, белоснежной коже Цин Яня в том самом месте. Почему-то Цин Янь почувствовал, как эта область вдруг стала необычайно чувствительной. Несколько движений — и его глаза наполнились влажным блеском, губы приоткрылись, а щеки вспыхнули ярким румянцем.

Цю Хэнянь наклонился, чтобы мягко поцеловать его губы, затем убрал руку с живота и опустил взгляд, задержав его на той самой коже, которую только что касался.

Цин Янь проследил за его взглядом и тоже посмотрел вниз. Когда он увидел, что там оказалось, его глаза широко распахнулись, наполненные потрясением и недоверием.

Под пупком Цин Яня на расстоянии трех пальцев отчетливо виднелось вертикальное красное пятно, напоминающее глаз. Оно выглядело так, словно было тонко и ровно нарисовано порошком из толченой киновари. На фоне белоснежной кожи это красное пятно казалось особенно ярким и выразительным.

Цю Хэнянь не отрывал взгляда от этого места, его кадык дернулся, и голос прозвучал слегка хрипло:

— Ты сам этого не замечал, но я всегда вижу это, когда лежу с тобой в постели.

Он склонился ближе и, глядя на озадаченного Цин Яня, добавил:

— Эта яркая, насыщенная окраска и такая красивая форма... — он мягко поцеловал отметину, вызвав едва заметное дрожание тела Цин Яня. Подняв взгляд, он продолжил, — Это символизирует молодость, здоровье и сильную способность к деторождению.

Глаза Цин Яня дрогнули. Последние слова Цю Хэняня прозвучали четко и неоспоримо:

— Цин Янь, без всяких сомнений, ты — гер.

□□.....

Следующий день Цин Янь провел в состоянии полной растерянности. Мысль о том, что он действительно может забеременеть и родить ребенка, была для него абсолютно непривычной, почти невозможной.

Постепенно он начал понимать, что, оказавшись в этом мире, он не просто принял на себя роль его прежнего обитателя, но и подвергся каким-то изменениям, чтобы соответствовать его законам.

Например, та красная свадебная одежда, которая не должна была бы его выдать, едва он появился здесь. Или его вдруг удлинившиеся волосы. Или тот наркотик, которые достались ему от прежнего хозяина тела. И, наконец, это красное пятно под пупком, которое в его мире не могло существовать, а также другие, скрытые от его глаз, изменения в теле.

Цин Янь положил руку на свой мягкий живот. Он не помнил деталей первых двух раз, но четко помнил недавнюю ночь и тот случай на стуле. Цю Хэнянь тогда потерял контроль, и Цин Янь, считая себя мужчиной, даже не задумался о том, что нужно предпринять какие-то меры предосторожности.

Особенно вчерашней ночью...

Может быть, прямо сейчас у него уже есть ребенок. Эта мысль заставила его перевернуться на живот, уткнуться в подушку и издать приглушенный стон. Привыкнуть к идее о беременности оказалось для него слишком сложно.

Через пару дней, когда в кузнице стало чуть меньше работы, Цю Хэнянь взял тележку, и они с Цин Янем отправились в город.

Они зашли в мясную лавку, где купили ребрышки, а затем посетили фруктовую лавку, выбрав большую связку бананов. Все это они подготовили в качестве подарков для второй невестки из семьи Лю. Завершив покупки, они решили просто прогуляться по улицам.

Давно они не выходили в город вместе. Настроение Цин Яня заметно улучшилось. Он с удовольствием заглядывал в лавки, пробовал еду, и на его лице наконец снова появилась улыбка.

Солнце становилось все жарче, и они зашли в лавку готовой одежды. Цин Янь выбрал для себя два легких наряда, а заодно подобрал и две новые одежды для Цю Хэняня.

На обед они отправились в знаменитую таверну «Ванфа-гэ» в городе. Еда оказалась вкусной, но заметно дороже, чем приготовленная дома.

Когда они вышли из таверны, Цин Янь тихо сказал Цю Хэняню:

— Я понял, как приготовить ту острую рыбку голову с перцем.

Цю Хэнянь чуть наклонился и тоже ответил шепотом:

— Тебе понравилось это блюдо?

Цин Янь покачал головой и улыбнулся:

— Это тебе оно понравилось. Я заметил, что ты брал его чаще других. Позже купим большую рыбку голову, и я попробую приготовить это для тебя.

Цю Хэнянь посмотрел на него с легкой улыбкой в глазах, кивнул и спокойно произнес:

— Хорошо.

Когда все необходимые покупки были завершены, они сложили вещи в тележку и уже готовились возвращаться домой.

И тут перед ними появился мужчина, одетый как слуга из дома зажиточной семьи. Он почтительно поклонился и сказал:

— Простите за беспокойство, мой господин приглашает вас к себе.

Через четверть часа Цю Хэнянь и Цин Янь уже находились в гостиной большого дома.

Цю Хэнянь пристально посмотрел на одного из присутствующих и с удивлением произнес:

— Это вы.

Цин Янь тоже обратил внимание на этого человека и, спустя мгновение раздумий, воскликнул:

— Вы тот торговец, который стоял на соседнем прилавке во время Фестиваля фонарей!

Цю Хэнянь добавил:

— В тот день, когда Лю Цай женился, вы тоже были там как родственник со стороны невесты.

Торговец, мужчина около тридцати лет, слегка поклонился и представился:

— Меня зовут Фэн, в семье я третий, меня зовут Фэн Лаосань.

Рядом с ним стоял старший мужчина, на вид около пятидесяти, с крепким телосложением. Он вступил в разговор:

— Фэн Лаосань раньше путешествовал с моим караваном на юг. Но в последние годы из-за болезни его матери он остался дома и ведет торговлю на месте.

Этот пожилой человек был тем самым предводителем торгового каравана, которого Цинь Янь просил помочь в поисках Цинь Лянчуаня.

По дороге сюда Цинь Янь рассказал Цю Хэняню об этой просьбе. Хотя Цю Хэнянь сразу заметил, что в этом деле есть некоторые странности, он не стал задавать вопросов и предложил сначала выслушать, что скажет предводитель каравана.

Тот, нахмурившись, серьезно произнес:

— Караван уже почти готов к отправлению. На днях Фэн Лаосань пришел ко мне, чтобы побеседовать за чаем. Во время разговора он упомянул, что женщина по имени Ли Сижэнь из деревни Люси кажется ему знакомой, но он никак не может вспомнить, где ее видел. Фэн — искусный художник, и он тут же нарисовал ее портрет. Когда я посмотрел, мне тоже показалось, что ее лицо знакомо.

Цинь Янь и Цю Хэнянь переглянулись, оба были удивлены.

Ли Сижэнь в юном возрасте покинула уезд и вышла замуж в деревню Люси. Казалось, между ней и этими людьми не могло быть никакой связи.

Предводитель каравана достал рисунок и показал его Цинь Яню и Цю Хэняню. Хотя набросок был выполнен всего несколькими штрихами, он был настолько точным, что сразу угадывалось сходство с Ли Сижэнь.

Фэн Лаосань подошел ближе и объяснил:

— В моей работе важна хорошая память, особенно на лица. Обычно мне достаточно один раз увидеть человека, чтобы спустя два или три года узнать его снова. Но эта женщина, Ли Сижэнь, кажется мне настолько знакомой, что я уверен, что видел ее раньше, хотя не могу вспомнить, где именно. Это крайне необычно.

Он кивнул на предводителя каравана и продолжил:

— Пока Чжэн-сяншэн не попросил меня нарисовать ее, я никак не мог понять, откуда это чувство. Но как только я ее изобразил, мы одновременно вспомнили. Оказалось, что мы видели ее раньше не лично, а на подобном портрете. И хотя он немного отличался от реальности, сходство было очевидным, из-за чего я сразу этого не осознал.

Предводитель каравана пояснил:

— Три года назад мы были в уезде Наньхуэй. Местный торговец пригласил меня на пир, но из-за того, что я неудачно поел, мне стало плохо, и я отправил вместо себя Фэна.

Фэн Лаосань подхватил его слова:

— На том пиру я встретил помощника префекта, его звали Цинь Лянчуань. Узнав, что я приехал с севера, он сразу оживился и показал мне портрет, спрашивая, не видел ли я изображенную на нем женщину. Он сказал, что разыскивает ее.

Фэн указал на рисунок Ли Сижэнь:

— Женщина на портрете была похожа на нее процентов на 70-80. Я был почти уверен, что это она.

Предводитель добавил:

— Фэн привез тот портрет мне и тоже спросил, не встречал ли я ее раньше. Но я не знал, кто это, и со временем мы забыли об этом деле.

Фэн Лаосань с грустью признался:

— Как-то раз я перепил, потерял свою сумку вместе с тем портретом и больше о нем не вспоминал.

Предводитель каравана заключил:

— Сегодня я уже собирался отправить человека в деревню Люси, чтобы пригласить вас, но мой посыльный случайно встретил вас на рынке и привел сюда.

После того как вся история стала понятна, Цю Хэнянь сделал шаг вперед, сложил руки в жесте уважения и сказал:

— Могу ли я попросить вас, Фэн-сяншэн, изобразить черты Цинь Лянчуаня на бумаге?

Фэн Лаосань улыбнулся, подошел к столу, взял заранее приготовленный портрет и развернул его перед ними:

— Я уже это сделал. Вот перед вами Цинь Лянчуань!